

Свитер с оленями

Разговор предстоял трудный, и Вика надела старый свитер с оленями. Слова будут холодными и колючими, а она хотела, чтобы ей было тепло. Свитер связала бабушка давным-давно, когда Вика еще училась в восьмом классе. Он начинался снизу дымчато-серым, таким мягким оттенком кошачьего подшерстка. Потом шли темные стилизованные волны. Они ограничивали белую полосу, на которой спереди были вывязаны две большие восьмиконечные звезды, а сзади — пара оленей, смотрящих друг на друга. Дальше к высокому вороту свитер снова был мягко-серым. И рукава тоже. Рукава, периодически протиравшиеся на локтях, перевязывались. На первом курсе Вика ухитрилась разорвать свитер понизу, где вязка шла резинкой. И распустив, перевязала низ. А заодно и ворот, захотелось, чтоб он был шире и объемнее. Приходилось добавлять новые нитки, они не совсем совпадали по цвету, свитер изменился. Но олени и звезды были все те же, а значит, и сам он, свитер, был все тот же, старый, любимый, связанный бабушкой.

В этом свитере она с ним и познакомилась. Милана, подруга, или приятельница, или просто коллега, как определить(?): кофе пили у автомата, курили, болтали о том о сем, наверно, все-таки подруга, других-то нет, говорит:

— На каток в Новую Голландию пошли в субботу?

Каток в двух шагах от Викиного дома, а она не ходит. Не умеет. Нет, конечно, каталась в детстве немного. Но это разве уметь? А Милане через полгорода ехать. Но она вот запросто.

— На каток?

А что еще в выходной Вике делать? Нечего ей делать. В ящике сидеть, кинцо смотреть. «Поговори с ней» смотреть собиралась. Успеет еще. Вика согласилась: каток, так каток. Не развалится. Главное, потеплее одеться. Минус десять на улице. Надела свой свитер любимый.

Вот она идет, почти уже у ворот, и вдруг: «Би-и-и», — машинка серебристая мимо и тормозит. И Милаша выскакивает:

— Приветик! А вот и мы.

Парень из машинки вываливает. Красивый. Без шапки, и волосы так уложены — ох(!), голова как вылепленная. На фотографиях рекламных такие бывают в инстаграме. Милана его представила, но Вика не расслышала. Да какая разница, как его зовут. Все равно, таких не бывает. На той орбите, где Вика крутится — не бывает. Ну, на каток пошли — эти катаются парой, красиво, а Вика с медведем в обнимку. Мишка большой, тяжелый, ухватись за рукоятки, что у него за ушами, толкай вперед, семени ножками. Но они ее не бросали, подъезжали время от времени, сфоткаться или поболтать. А потом Миланка что-то взбрыкнула, замахала руками, закричала этому своему что-то через полкатка неслышное и уехала. Совсем уехала, ушла с катка. А он за ней не побежал, он к Вике подъехал.

— Давай, — говорит, — я тебя кататься научу, — за руку взял и повлек по льду.

— Присядь пониже. Вот так отталкивайся. Видишь?

Она кивала, повторяла, скользила, упершись взглядом в лед, не видела его совсем. Только рука, сжимавшая ее ладонь — крепко, тепло.

Споткнулась, заковырялась, он подхватил, не дал упасть. Сильный. Она — не соломинка бестелесная, вполне себе корпулентная девушка, а он удержал.

Потом:

— Я провожу.

Машинку оставил там, где стояла, мимо прошел, и Вику до подъезда:

— Ну что, в следующие выходные пойдем на каток? — И улыбается, будто это подковырка хитрая.

Она кивнула:

— Пойдем.

— Ок. Тогда без двадцати двенадцать в субботу у кассы. Идет?

— Идет.

«Господи, каток! И этот, Миланин безымянный парень ждать будет. А время? Одиннадцать с четвертью! Продрыхла. И мама не разбудила, дала отоспаться в выходной. Хотя я же ее не предупредила. Я забыла совсем про этот каток. Быстрее...» — Вика носилась по квартире: накраситься, куда ж без этого, причесываться не обязательно, под шапкой не видно, штаны лыжные и главное — свитер с оленями. Куртка, ботинки и на улицу прыг. Без двадцати уже, опоздала. Ох, опоздала. Только она из подъезда — а этот, которого звать никак, из-за угла ей навстречу. И сумка треугольная через плечо. С коньками. Пришел. А договаривались у кассы.

— Готова? Я встретить решил.

Она возьми и булькни:

— А Милаша?

Он плечами пожал:

— А при чем тут Милаша? Я тебя пригласил.

Она притормозила:

— Ну... Не правильно как-то.

— Нормально. Пошли.

Кататься было здорово. Он держал ее за руку, и ладошке внутри вязаной варежки было жарко. Они кружили по катку: круг за кругом, круг за кругом. И упала она только

один раз, когда на них помчался какой-то мелкий, но лихой парнишка — испугалась и выдернула руку из его ладони. И тут же завалилась, больно стукнувшись коленкой и локтем.

— Ты как, не ушиблась? — он подхватил ее двумя руками и поставил на ноги.

— Неа, нисколько.

Потом он проводил ее до подъезда. Вике казалось, она должна его пригласить к себе, ей очень хотелось. Но как? Это ведь чужой парень. Парень ее подруги. Это будет нечестно.

— Ну пока, — она не стала открывать дверь, пусть уйдет.

Он придвинулся совсем близко, Вика прижалась спиной к железной двери, отступить было некуда. Он наклонился и поцеловал ее. Вот так запросто. Теплые губы, легкий запах дорогого парфюма. Почему дорогого? Разве она разбирается? Но у него не может быть дешевого. У таких ничего дешевого не бывает.

Вика попыталась вывернуться.

— Тебе не понравилось?

— Да. То есть нет. Не то. Просто... А как же Милана?

Усмехнулся.

— Милана никак. Я к тебе пришел. Ты мне нравишься. Ты, а не Милана. Я — не ее вещь, не монета у нее в кошельке. Меня нельзя украсть. Я сам решаю, с кем мне быть. Я хочу быть с тобой. А ты?

Он говорил, делая ударения на «ты», «к тебе», «с тобой».

Она кивнула:

— Я тоже.

Он вытащил мобильник:

— Какой у тебя номер?

Она назвала. Он набрал. В кармане терибомкнуло.

— Запиши меня. Антон.

Она записала: Антон. Теперь она знала, как его зовут.

Ее счастье зовут Антон.

— В понедельник я заеду за тобой на работу вечером, ладно?

— Ладно, я, знаешь, где работаю?

— Я знаю.

Ну конечно. Милана...

С того понедельника Милана с ней не разговаривает. Все-таки он был монетой в ее кошельке, а Вика украла.

Она села в серебристый автомобиль:

— Куда мы поедем?

— Мы поедем к тебе.

Этого она и боялась. Он же не знает, как она живет. Что у них с мамой на двоих полуторакомнатная квартира. Вот именно, что полуторакомнатная. На самом деле комната, конечно, одна, но есть глубокий альков, занавешенный тяжелой бархатной шторой, очень похожей на театральный занавес. Там за занавесом живет Вика: спит, сидит в ноуте, смотрит очередное кино, нацепив наушники, пьет чай и даже ест иногда, развалившись на своей икеевской кровати. Остальное пространство занимают мама и большой круглый стол на слоновьей ноге, доставшийся от предков. То, что называется «выбросить жалко».

— Не-е-ет, ко мне нельзя. Там мама. И вообще, у нас квартирка маленькая, и у меня спальня без двери, штора только, — начала она судорожно подыскивать причину отказа.

Но он не дослушал.

— Вот и прекрасно, что мама. Познакомишь нас, чаю попьем, там вон сзади торт из «Буше». А потом поедем ко мне. Мама должна знать, с кем отпускает дочь.

Вот ведь правильный какой.

Это было два года назад.

Два года Вика ночует у Антона пару раз в неделю, со вторника на среду, или со среды на четверг, это как придется, и с пятницы на субботу обязательно. Мама спрашивает: «Почему ты к нему не переедешь?» Каждый раз Вика машет рукой: «Оно мне надо? Стирать носки, мыть посуду. Быт, бытовка, бытовуха, ненужное подчеркнуть. А так каждый раз — праздник. Цветы, шампанское, кареты, юнкера». Не может же она сказать маме, что он ей ни разу не предложил остаться у него навсегда. Остаться в его просторной студии на восьмом этаже с видом на стеклянную башню Газпрома. В новом престижном доме, аккуратно вписанном в старый квартал Васильевского острова. Ни разу за два года. А она бы с удовольствием стирала его носки, готовила бы завтраки и ужины, бегала бы в магазин за забытым с вечера хлебом. Но он не предлагал.

И сегодня она решила поставить точку. Пусть это будет последнее свидание. Пусть. Сразу она говорить ничего не собиралась. Оставила на завтрашнее субботнее утро. Вечер и ночь пройдут, как всегда прекрасно, а утром она спросит: «Почему?» Почему он не хочет с ней жить? Ухаживает за ней. Подарки дарит. Говорит ей всякие красоты: «Любимая,

принцесса моя, ты самая лучшая на свете», даже стихи ей читает, не свои, конечно, Пастернака или Заболоцкого. Готовит ужины к ее приходу. Свечи, хорошее вино в бокале на тоненькой высокой ножке. Белоснежная салфетка в серебряном кольце. Она даже стала платья носить. Нельзя же за такой стол в заношенной флиске садиться. Так что она прикупила парочку соответствующих.

Но сегодня — старый свитер с оленями. Без него она не справится. Не сможет задать свой вопрос. И главное не сможет вынести его ответ. Завтра утром он ей скажет, что никогда и не собирался жить с ней одним домом, одной семьей. Что его вполне устраивают именно такие отношения. Что ему нужен отдых, праздник. И она для него — праздник. И нечего превращать красивые отношения в быт, бытовку, бытовуху. Она знала, что будет так. Но знать самой и услышать от него — разные вещи. Вика считала, что пора услышать.

А потом она пойдет домой и будет переживать: валяться в кровати, плакать в подушку, гундосить распухшим носом, пить чай с медом и лимоном, лопать вишневое варенье, уверять маму, что ничего страшного не произошло, просто она решила расстаться с Антоном. Переживать она будет с чувством, не спеша, на это у нее будет половина субботы и целое воскресенье.

Троллейбус скользил по мосту. Вика смотрела на льдины, они были похожи на огромные стеклянные осколки. *«Разбилось небесное зеркало, и просыпалось вниз».* И правда, никакого неба не было, черная пустота и все. *«Лопнула тонкая пленочка, и нас накрыло космосом. Прямо из космоса сылет снег. Космический, потусторонний. Завтра лопнет пленочка моего счастья, и меня накроет холодом потустороннего снега».*

Она уже почти дошла до Антонова подъезда. И тут навстречу ей вышел кот. Скорее котенок-подросток. Полгода, наверно. Лапы короткие и морда чуть приплюснута. Кто по твоей породе проходился, чувачок? Серый, местами полосочки черные, самой запростяцкой расцветки, мама такую барсиковой называет. Дворовый серый барсик, чуть присыпанный снегом. Котейка уселся прямо перед Викторией и сказал: «Ну?»

Прямо так и сказал. Не «мяу», не «мня» какое-нибудь. Такое протянутое слегка «ну-у-у». И Вика сразу поняла: надо взять котика, сунуть его за пазуху в вязаное тепло свитера и тащить домой. Ничего этого она делать не собиралась. «У меня последнее свидание сегодня. Извини, малыш, не до тебя. В подъезд могу пустить — грейся», — промолчала она. Кот от предложения не отказался, забежал за ней в открытую дверь. А потом и в лифт. И к двери Антоновой квартиры.

— Нет, сюда тебе нельзя, — Вика покрутила пальцем у kota перед носом, — иди к батарее, там тепло.

Но кот уселся у ее ног, задрал морду и отчетливо сказал: «Неа».

— Никакое ни неа, — она взяла серого и посадила на подоконник, — тут сиди. В окно смотри.

Нажала белую пуговку звонка, и дверь открылась. Антон всегда открывал сразу, будто там внутри сидел под дверью, ждал ее. А может он чувствовал ее приход? Или просто слышал, как поднимается лифт. Теперь уже все равно: *«Последний раз. Последний вечер. Гаснут свечи. Тьфу, белиберда какая»*, — крутилось у нее в голове.

Кот, мягко спрыгнув с подоконника, метнулся в квартиру.

— Ой!

— Это еще что? Откуда здесь кот?

— Не знаю. На окне сидел. Может это твоих соседей каких-нибудь? Из квартиры выскочил. Надо спросить.

— Надо его поймать.

Они говорили одновременно. Почему-то этот невзрачный котенок занял все мысли Антона, он даже не принял Викину шубейку, не повесил ее на плечики, как делал всегда. Он помчался за котом. Но тот сиганул под белый кожаный диван и затихарился там.

— Швабру неси, сейчас я его вымету!

Вика сняла шубу и сапоги, вынесла из санузла швабру.

— На.

Антон пошурудил под диваном. Кот не вылезал.

— Вот гад! Как бы его выгнать?

— Может быть просто позвать? Кыс-кыс, эй, иди сюда, — Вика опустилась на четвереньки, заглянула под диван.

На нее смотрели зеленые крыжовины глаз. Кот улыбался. Да нет, показалось. Коты не улыбаются.

— Кыс-кыс, — еще раз позвала она.

Кот замотал башкой и чихнул.

— Ну чего он там? — Нетерпеливо спросил Антон.

— Не хочет. Слушай, а может ты его себе оставишь? Кот — это хорошо. Придешь с работы, он к тебе на колени влезет и мурчать будет.

— Ага. А еще перегрызет провода, грохнет монитор на пол, будет все метить, все портить, а я буду его кормить и дерьмо за ним убирать. Надо очень.

— Ну давай его чем-нибудь вкусненьким приманим.

Она подошла к накрытому на двоих столу. Сегодняшний ужин предполагал какой-то заковыристый салат, посыпанный сверху зернышками граната и что-то в кастрюльке, накрытой белым махровым полотенчиком.

— Что там у тебя? — Вика ткнула пальцем в кастрюльку.

— Бургиньоны. Тушеная в вине говядина по-бургундски. Ты что, коту хочешь предложить?

— Ну, думаю, он не откажется, — она положила кусочек мяса на тарелку, подула на него и поставив на пол, снова встала на четвереньки, стараясь заглянуть в поддиванный закут.

— Кысик, — позвала тихонечко, чтоб не пугать, — иди сюда, тут вкусняшка.

Кот раздувал ноздри, нюхал воздух, пахло привлекательно. Сделал два коротких шажка на полусогнутых. Остановился. Опять стал поглощать запах.

— Ну чего он? — Опять спросил Антон. — Вылезает?

— Чего-то нет.

— Ладно, мне это надоело. Где он сейчас?

— Прямо напротив тарелки.

— Прекрасно, — подхватив швабру, Антон обошел белый айсберг дивана и быстро сунул швабру под него с другой стороны.

Раздался вопль: «Ремня-я-я!», — и кот серым снарядом вылетел прямо на стол. Посыпались ножи и вилки, звеня бубенцами, попадали на пол бокалы, их тонкие ножки откололись с печальным дзынем. Последним, покачавшись, будто примеривался, рухнул высокий декантер — по паркету разлилось кровавое озеро. Именно в него прыгнул кот, чтобы тут же оставить цепочку бордовых следов через снежную кожу дивана. Все произошло мгновенно, Вика даже подняться не успела, так и стояла на четвереньках над тарелкой с одиноким куском мяса. Зато Антон, видимо, очумевший, как и несчастный котейка, вихрем носился за серой бестией. Там, где они проносились, все сыпалось, билось, трещало и звенело. Кот орал: «Ремня-я-я! Ремня-я-я!», Антон матерился. Она никогда не слышала от него мата. За все два года не слышала. Зато сейчас ее уши наворачивали упущенное с лихвой. Вика села на пол, привалившись спиной к дивану. Встревать в эту свистопляску она не собиралась.

И тут Кот прыгнул ей прямо в руки. Вцепился когтями в ее свитер, и, вывернув голову, зашипел на подскочившего Антона. «Ш-шиш-ш!» — оскалившись, шипел он. Выглядело это весьма грозно.

— Давай, вышвырни его на лестницу! Сволочь такая! Всю квартиру разгромил, гнида.

«Меня? — Спросил кот, не отцепляясь, и уткнувшись плоским носом ей подмышку, тихо добавил, — Умру».

Вика аккуратно отняла каждый коготок от свитера, протянула Антону серый меховой комок:

— На, сам вышвырни.

Но Антон не взял:

— Лучше ты. У тебя он смирный, а меня, — он протянул ей свои руки, исполосованные свежими царапинами, глубокими, с капельками крови, — вон он как уделал, паршивец.

Она прижала кота к груди и встала.

— Я пошла.

— Ага. Давай я тебе дверь открою.

— Ты не понял. Я совсем пошла. Я ухожу от тебя.

Такого обалделого лица она у него тоже никогда не видела. Куда вся уверенность подевалась?

— Ты чего, Вика? Ты из-за этой скотины серой? Провались он пропадом.

Она покачала головой. Теперь не надо задавать вопрос «Почему?» Теперь ничего не надо. И утра ждать ни к чему. Можно уже уходить. И завтра не придется со вкусом предаваться переживаниям. Завтра нужно будет обустраивать кошачий быт. Она обулась, надела свою шубейку и сунула кота за пазуху в теплое вязаное нутро.

Домой она шла пешком. Из открытого космоса лениво сыпался снег. Под шубой моторчиком урчал кот. Над мостом летали чайки. Они возникали из ниоткуда за строем фонарей, серебряными коньками прочерчивали черную вселенскую гладь и исчезали за второй линией желто-масляных фонарных голов. Растворялись. Проваливались через портал в иную реальность. Возможно в ту самую, где задумчивые олени носят свитера со звездами и фигурками глядящих друг на друга человечков.